

Л. БОРОДИН*

Без выбора** (Автобиографическое повествование)

<Фрагмент>

<...>

Существеннейшим моментом нашего идеологического состояния было понимание социалистической идеи в целом как идеи не просто антихристианской, но именно антихристовой. Построение Царства Божьего на земле, царства всеобщей справедливости, где всяк равен всякому во всех аспектах бытия, — именно это обещано антихристом. Цена этому осуществлению — Конец Света, то есть всеобщая гибель.

* *Леонид Иванович Бородин* (1938–2011) — русский писатель, поэт и прозаик, публицист. В 1965 г. вступил в образовавшуюся в Ленинграде подпольную антисоветскую организацию «Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа» (ВСХСОН), программа которой, по словам Бородина, заключалась в трёх основных лозунгах — христианизация политики, христианизация экономики и христианизация культуры. В начале 1967 г. организация была раскрыта КГБ по доносу, её участники были арестованы. В заключении начал писать стихи, после освобождения обратился к прозе. Автор повести «Третья правда», «Ловушка для Адама», романа «Царица Смуты» и др.

** Автобиографическое повествование создавалось в начале 2000-х.

Хилиастическая ересь потому и была отвергнута и осуждена христианством, что как бы содержала в себе формулу гибели человечества через соблазн внебожьего преодоления несовершенства человека и всего им творимого.

Спекулируя на естественном, всеми мировыми религиями благословленном стремлении человека к улучшению бытия посредством нравственного совершенствования, просто и четко сформулированного в заповедях, хилиастический социализм освобождал человека от тяжелого морального напряжения и выносил причину мировых бед, бедствий и страданий вовне, в структуру бытия, каковую надо было просто «переделать» соответствующим образом, чтобы сама по себе «заработала» модель всемирного счастья.

В том был главный обман, и поскольку обман постепенно принял почти религиозную форму, то естественно было авторство этого обмана «заперсонифицировать» на антихристе. На дьяволе.

В этом смысле любопытным представляется текст гимна ленинградского Социал-христианского союза, о котором здесь столько уже говорилось. Слова и музыку гимна сочинил политзаключенный питерского следственного изолятора Иван Овчинников, никакого отношения к данной подпольной организации не имевший, но пребывавший какое-то время под большим впечатлением от самого факта возникновения организации и ее программы, представление о которой получил от своих сокамерников, членов ВСХСОН.

Текст гимна построен по принципу молитвы о даровании права на оружие в борьбе именно с сатанинскими силами, замаскировавшимся под идеи всемирного коммунистического жизнеустройства, в христианском же понимании — разрушения бытия.

Приведу две последние строфы гимна:

Боже! По силе Закона
Дай ему главы отсечь!
Дай нам повергнуть дракона!
Боже! Вложи в руки меч!

И свершилось! Знак Господнего волеизъявления получен:

На алтаре в древнем храме
Вспыхнули тысячи свеч.
Бейте в набат, христиане!
С нами Божественный меч!

Под мощным и, должен признать, достаточно талантливо исполненным воздействием следственного аппарата питерского КГБ мы признали себя виновными, однако же по-разному пони-

мая и толкуя саму виновность. Но собранная в кучу на этапе, что длился несколько месяцев, физически и морально разгромленная организация на короткое время как бы снова обрела дыхание подвига. Гимн, сочиненный совершенно посторонним человеком, был разучен и имел впечатляющее исполнение в этапном купе-камере, куда втиснули всех четырнадцать. (Руководители организации, осужденные по статье 64-й — «...а равно заговор с целью захвата власти», этапировались отдельно.)

* * *

Особо запомнился эпизод в пересылочной тюрьме городка под названием Потьма.

Двухэтажное здание тюрьмы было битком набито уголовниками всех мастей — от воров в законе всесоюзного масштаба до московских и питерских проституток. Последних и в шестидесятых было немало, но тогда их сажали за... тунеядство. Однако слово «уголовник» мы не употребляли, говорили корректно — «бытовик»...

В соответствии с ведомственной инструкцией в те времена политических с «бытовиками» уже в одну камеру не сажали. И поначалу начальство тюрьмы готово было блюсти инструкцию. Нас завели в камеру площадью метров двадцать, от противоположной стены на две трети оборудованную сплошным деревянным настилом высотой около полуметра. После поездной тесноты мы привольно устроились на полатах со всем своим этапным скарбом. Однако ж не прошло и пары часов, как сюда же запустили не менее двух десятков «бытовиков», агрессивная настроенность которых не обещала ничего хорошего и если до поры до времени открыто не проявлялась, то исключительно по причине того, что они никак не могли «просечь» наши «понятия». Мы же уловили их переговоры с «бытовиками» соседних камер на предмет «ошмонания фраеров» — попросту грабежа — и изготовились к сопротивлению.

Но тут вдруг обнаружилось, что один наш товарищ болен. Выпускник экономического факультета ЛГУ, преподаватель Томского университета Владимир Веретенев. Температура... Буквально на глазах лицо его опухало и багровело. Учащалось дыхание... Крепкий физически и мужественный по природе, Веретенев от нашей тревоги отмахивался, состояние списывал на обычную простуду. Самым компетентным в медицинской теме из нашей компании был ныне покойный Юрий Баранов, инженер по медицинской аппаратуре. Его предположение, высказанное, естественно, шепотом, потрясло нас. Рожь! Про такую болезнь мы слыхивали... Что-то страшное и заразное...

Появившийся после долгого стучания в дверь надзиратель сообщил, что нынче пятница, врач будет в понедельник. Чего? Помрет? Ну и хрен с ним. Закопаем. Кладбище рядом, за путями...

Один из «бытовиков», все еще не определившихся относительно наших «понятий», «смастрячил чифирок» — лучшее средство, по убеждению «бытовиков», от всех болезней. Больной выпил и, вопреки «чифировому» назначению, почти сразу уснул, что нами было принято за добрый знак.

Но к утру состояние больного ухудшилось. Говорил с трудом, странные красные пятна проступили на шее, в дыхании прослушивалась хрипота. Новые переговоры с надзирателем ни к чему не привели. И тогда мы объявили голодовку, о чем письменно уведомили начальство пересылочной тюрьмы.

...А тюрьма поутру гудела... Межкоконная переключка, визги из женских камер, крики надзирателей в коридоре... «Бытовички», которым мы так и не уступили наши «спальные места», галдели кто во что горазд. Мат и «блат», словно материализуясь, сотворяли из клубов махорочного дыма мерзких шевелящихся призраков под прокопченным потолком. К тому же вонь от полукубовой жестяной параши в углу...

И, как-то не сговариваясь, мы запели. Сначала тихо, как бы для себя... За два месяца мотания в этапных поездах, в пересылочных тюрьмах Горького и Рузаевки — мы за это время очень даже неплохо спелись. Сложился репертуар... Лучше прочего у нас получался «Варяг», но не тот, популярный, мажорно бравурный, а другой — «Плещут холодные волны». Страстный поклонник коллективного (не путать с хоровым, где все очень правильно) пения, и по сей день я помню по голосам каждого из моих соратников: глуховатый баритон Юрия Баранова, о котором уже упоминал; звонкий, хотя и не без «петушка» — стихотворца нашего Михаила Коносова; тихие, но вполне слухом удостоверенные голоса инженера, специалиста по драгам Александра Миклошевича и автоинженера Юрия Бузина; торжествующий на патетических нотах, по тембру неопределимый, с четким произносом слов голос моего давнего друга Владимира Ивойлова, выпускника ЛГУ, преподавателя Томского университета; негромкий, но звонкий тенорек Вячеслава Платонова, востоковеда, преподавателя ЛГУ. А вот Валерия Нагорного, инженера, кажется, электронщика, и Николая Иванова, преподавателя ЛГУ, больше помню вдохновенностью их лиц в процессе нашего коллективного песенного общения...

Этот кусок текста кому-то может показаться лишним: имена неизвестные, в дальнейшем никак не проявившиеся...

Но, во-первых, три четверти ныне проявившихся имен век бы не слышать... А во-вторых, и в главном — мне хочется, мне приятно произносить имена моих бывших друзей по счастью и несчастью... К тому же из тех четырнадцати пятеро — кто давно, кто недавно — уже ушли из жизни...

Итак, мы пели, «бытовики» галдели, и вся тюрьма содрогалась от утреннего гвалта. Коллективное пение — это ведь своеобразная форма медитации, и, увлекшись, мы не заметили, как возрастала громкость наших голосов, как сначала притихли и перестали елозить по камере «бытовики», потом соседние камеры будто вымерли. Но тогда и надзиратели обратили внимание на неслыханное нарушение режима. Заскрежетал замок, и некто, для нас безликий, крикнул: «А ну прекратите! Кому говорю! Прекратите!» Пели лежа, но с окриком приподнялись. Что пели именно в этот момент, не помню. Помню, что пели хорошо. По моему вкусу, хорошо петь — это непременно двухголосие. Солировать русскую песню, как бы хорош ни был исполнитель, будь он сам Шаляпин — просто преступление. И первые две струны балалайки, и первые две нашей семиструнной — они так и настраиваются. На двухголосие...

Надзиратель, пообещав нам нечто расправное, захлопнул дверь, а по сложившемуся репертуару на очереди исполнения было «Прощание славянки» со словами, сочиненными Михаилом Кокосовым. Текст песни, написанный на политическую потребу, всегда, мягко скажем, далек от совершенства. Текст нашей «Славянки» не был исключением, но эмоциональность исполнения и сам способ подачи песни-марша-гимна — именно такова «Славянка» — не могли не произвести впечатления. И когда снова распахнулась камерная дверь, а в дверях с полдюжины надзирателей, их вопль: «А ну, выходи по одному!» — только подхлестнул нас. Эта сцена — как картинка в моей памяти. Двенадцать мужчин, сцепившись локоть к локтю — попробуй растащи! — в лица безвинно виноватым стражникам режима выдают слова:

Душат правду в любимой Отчизне.
Подымайся, великий народ!
За свободу пожертвуем жизнью.
В сердце вера в победу живет.
Но это еще что! Дальше следовало:
Ленин хуже татарского ига.
И разрубит ярмо только меч.
Содрогайся, проклятая клика, —
Возрождается вольная речь.

Надзиратели с вытаращенными глазами — век такого не слыхивали — попытались ворваться в камеру, но до нас так и не добрались. Еще недавно враждебно настроенные «бытовики» в три ряда расселись на полу от дверей до нар, на которых мы стояли в рост, и, отступая назад в коридор, прапорщики и офицеры в полной растерянности дослушивали припев нашей самодельной «Славянки»:

За гибель церквей,
За плач матерей,
За стон с Колымы
Идем на бой с драконом мы!

А потом без остановки и наш гимн. Похоже, в коридоре собрался весь состав тюремной obsługi.

На алтаре в древнем храме
Вспыхнули тысячи свеч.
Бейте в набат, христиане!
С нами Божественный меч!

История эта закончилась вполне благополучно. Не имевшее по отношению к нам, политическим, никаких прав, тюремное начальство немедленно вызвало наших подлинных «шефов» — работников КГБ, каковые немедля и примчались. Был вызван врач, определивший у Владимира Веретеннова сильное, но неопасное аллергическое заболевание, от которого в специальной больничной камере он быстро поправился. Подальше от греха, то есть от вредной пропаганды, убрали из нашей камеры «бытовиков». И, вытаскивая по одному на «собеседования» тех, кого считали нужным, уже тогда, на самом первом этапе «работы» с нами, выявив подлинное искусство психологической терапии, каковой я всегда искренно восхищался, сумели для начала посеять легкие сомнения друг к другу в наших отношениях.

Однако ж уверен, что описанный мною эпизод каждому запомнился так же, как и мне, — молодость, романтика протеста, пусть кратковременное, но несломимое мужское единство...